

работать. И это все, пожалуй, вѣрно и не подлежитъ сомнѣнію. Но возникаетъ еще дальниѣйшій, самый интересный вопросъ: *Могутъ ли стачки быть признаны приемомъ не только классовой борьбы, осуществляющей законы капиталистического производства въ капиталистическомъ обществѣ, но и разрушающей капиталистический и созидающей новый свободный строй силой?* На этотъ вопросъ уже брюссельскій конгрессъ Интернаціонала (въ 1868 г., т. е., годъ спустя посль появленія „Капитала“) отвѣтилъ отрицательно: „Стачки не могутъ быть признаны средствомъ, способнымъ вполнѣ освободить рабочаго“ А Фридрихъ Энгельсъ въ своемъ предисловіи ко второму изданію „Положенія рабочихъ въ Англіи“*) сообщаетъ намъ тотъ очень поучительный фактъ, что изъ десяти стачекъ, затѣваемыхъ англійскими рабочими, „девять вызываются самими же фабрикантами въ своемъ собственномъ интересѣ и какъ единственное средство ограничить производство“. И еще больше свѣта на „борьбу“ рабочихъ съ капиталомъ проливаетъ тотъ ясный и неподлежащий сомнѣнію и перетолкованію фактъ, что восьмичасовой рабочій день, за который рабочие всячески и въ общемъ безуспѣшно боролись со временемъ Овена, теперь уже вводится на отдѣльныхъ фабрикахъ ихъ владельцами, которые поняли, наконецъ, что онъ и имъ выгоденъ. Однимъ словомъ, какъ справедливо замѣтилъ еще Марксъ, фабричное законодательство вовсе не враждебная капитализму сила, а такое же произведеніе капитализма, какъ хлопчатобумажные ткани и электрический телеграфъ. 1)

Классовая борьба рабочихъ съ капиталистами до сихъ поръ только утверждала законы капиталистического строя, а не нарушила ихъ, и нѣтъ оснований ожидать, что со временемъ утвержденіе перей-

*) Die Lage etc. — Stuttgart, 1892, — S. XIX.

(1) См. Kapital, I, 446.